

СОЛДАТЫ
ПОБЕДЫ

НИКОЛАЙ КУЗНЕЦОВ

АДМИРАЛ
СОВЕТСКОГО
ФЛОТА

Николай Герасимович Кузнецов

Адмирал Советского флота

Серия «Солдаты Победы»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=147284

Адмирал советского флота. /Кузнецов Н.Г.: Алгоритм; Москва; 2010

ISBN 978-5-6994-2696-6

Аннотация

Николай Герасимович Кузнецов – адмирал Флота Советского Союза, один из тех, кому мы обязаны победой в Великой Отечественной войне. В 1939 г., по личному указанию Сталина, 34-летний Кузнецов был назначен народным комиссаром ВМФ СССР. Во время войны он входил в Ставку Верховного Главнокомандования, оперативно и энергично руководил флотом. За свои выдающиеся заслуги Н.Г. Кузнецов получил высшее воинское звание на флоте и стал Героем Советского Союза. После окончания войны судьба Н.Г. Кузнецова складывалась непросто – резкий и принципиальный характер адмирала приводил к конфликтам с высшим руководством страны. В 1947 г. он даже был снят с должности и понижен в звании, но затем восстановлен приказом И.В. Сталина. Однако уже во времена правления Н. Хрущева негибачый адмирал был уволен в отставку с унижительной формулировкой «без права работать во флоте». В своей книге Н.Г. Кузнецов показывает

события Великой Отечественной войны от первого ее дня до окончательного разгрома гитлеровской Германии и поражения милитаристской Японии. Оборона Ханко, Либавы, Таллина, Одессы, Севастополя, Москвы, Ленинграда, Сталинграда, крупнейшие операции флотов на Севере, Балтике и Черном море – все это есть в книге легендарного советского адмирала. Кроме того, он вспоминает о своих встречах с высшими государственными, партийными и военными руководителями СССР, рассказывает о методах и стиле работы И.В. Сталина, Г.К. Жукова и многих других известных деятелей своего времени.

Содержание

Почему я взялся за перо	5
Самые последние дни	11
Ночь на 22 июня	16
Страна вступает в бой	36
На южном фланге	66
Североморцы вступают в бой	79
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Николай Герасимович

Кузнецов

Адмирал советского флота

Почему я взялся за перо

Мне не пришлось менять профессии в поисках дела, которое оказывалось бы больше по душе. Вся моя жизнь связана с Советским Военно-Морским Флотом. Я сделал выбор однажды, в совсем юные годы, и никогда не жалел об этом.

Пятнадцать лет – в те годы еще продолжалась гражданская война – пошел на флот добровольцем. С тех пор минули десятилетия. Я был свидетелем того, как в двадцатых годах наш флот, потерявший в гражданскую войну большинство кораблей и многих опытных специалистов, переживал напряженный период становления. По существу, нам пришлось начинать с азов морской службы. На моих глазах советский флот рос, набирался сил, мужал. Росли и мужали наши замечательные флотские кадры – командиры, инженеры, матросы. Со многими я бок о бок прошел службу на боевых кораблях. Делил с ними все: и радость и невзгоды. Ведь служба на корабле – это нелегкий труд.

За годы морской службы мне довелось встретить немало

интереснейших людей. Одни занимали совсем скромные посты, другие командовали соединениями и флотами, а некоторые вершили государственные дела. Обо всех этих людях, обо всем, что пережито, хотелось бы рассказать.

Есть события, не стирающиеся в памяти. И сейчас, четверть века спустя, я отчетливо помню трагический вечер и ночь на 22 июня 1941 года. Уже за два дня перед тем наши морские силы были приведены в повышенную боевую готовность. Мы сделали это, не получив официального предупреждения о возможности войны и разрешения применять оружие. Указания последовали лишь около полуночи, когда до начала боев оставалось несколько часов. К счастью, флоты находились уже наготове, и в ту роковую ночь мы не потеряли ни одного боевого корабля.

Человек, посвятивший себя службе в Вооруженных Силах, естественно, думает о войне постоянно. В мирную пору, пока военная гроза далека и тучи международных осложнений не закрывают горизонта, эти думы носят довольно отвлеченный, я бы сказал, теоретический характер. Но они воплощаются в конкретных решениях и поступках, когда угроза войны становится реальной и близкой.

Многое зависит от места и положения, которое занимает человек. Когда я начинал службу краснофлотцем на Северо-Двинской флотилии, от меня, в сущности, требовалось только быть готовым выполнить приказ командира, не больше. Другими стали мои заботы, когда, окончив училище, сам

стал командиром артиллерийского плутонга, затем – помощником командира корабля. Но мысли о будущей войне и в то время носили еще очень общий характер. После окончания Военно-морской академии начал командовать крупным кораблем. Тут уж было недостаточно держать свое оружие в порядке и уметь метко стрелять, если прикажут. Надо было разбираться в обстановке на всем морском театре и отчетливо представлять себе возможные боевые операции в масштабах целого флота.

Жизнь сложилась так, что круг моей ответственности и моих забот стал возрастать как раз в самые беспокойные, предвоенный годы. Я участвовал в гражданской войне в Испании – был там советским военно-морским атташе и главным морским советником. В пору хасанских боев командовал Тихоокеанским флотом. В 1939 году получил назначение на работу в Москву, и на меня легло руководство Наркоматом Военно-Морского Флота. А как известно, обстановка была такова, что уже тогда требовалось считаться с опасностью прямого военного нападения фашистской Германии на нашу страну.

Когда вспоминаешь то время, неизбежно возникают вопросы. Почему нападение гитлеровской Германии оказалось для нас внезапным, застигло наши Вооруженные Силы врасплох, хотя правительство уделяло огромное внимание обороноспособности страны, повышению ее могущества и укреплению границ? Почему И.В. Сталин вопреки много-

численным фактам до последнего часа не хотел верить в возможность скорой войны? Почему не обращалось должного внимания на то, что Гитлер сосредоточивает все новые дивизии на наших границах? Почему не принимались решительные ответные меры?

На это не ответишь несколькими словами. Тут надо многое сопоставить, взвесить, на многое требуется взглянуть сквозь призму прошедших лет. Думается, эти вопросы интересны не одним историкам. Не берусь дать исчерпывающий анализ событий тех трудных и сложных лет. Хочу только поделиться некоторыми своими мыслями.

Опытom минувшего освещается настоящее и будущее. Великие научные открытия, сделанные за последние десятилетия, – атомная энергия, электроника, ракетная техника и многие другие, – которые могли бы принести огромную пользу человечеству, к сожалению, направляются для целей возможной будущей войны. Новая война, если ее развяжут, будет протекать совсем не так, как прошлые. Новое оружие – оружие массового уничтожения и моментального действия – определит и характер грядущих сражений. Они станут несравненно скоротечнее и сокрушительнее, охватят сразу большие пространства земного шара не только по фронту, но и в глубину. Военные теоретики, размышляя о будущей войне, придают огромное значение не только ее первым дням, но даже часам и минутам. Поэтому уроки неудачного для нас начального периода минувшей войны сегодня особенно

важны.

Своим героизмом и самоотверженностью, ценой неимоверного напряжения сил и величайших жертв советский народ под руководством Коммунистической партии добился победы в Великой Отечественной войне и тем самым спас человечество от угрозы фашистского порабощения...

В книге воспоминаний «Накануне» я рассказывал о довоенном периоде и довел повествование до 22 июня 1941 года. Предвоенный период и начало войны – всего лишь один из эпизодов невиданного в истории вооруженного столкновения. Мои воспоминания – это не детальный анализ предвоенного периода, а лишь обыкновенные человеческие воспоминания. В последующей книге «На флотах боевая тревога» я начал рассказ о Великой Отечественной войне.

Воспоминания о войне я разделил на две книги, произвольно оборвав рассказ на событиях начала 1943 года. Причина была простая: завершающая часть записок еще не была готова. Когда я стал просматривать законченную рукопись, то убедился: нельзя было разрывать повествование, так же как и не стоит заключительную часть воспоминаний печатать отдельной книгой... После некоторых раздумий я решил материал о событиях войны объединить в одну книгу и назвать ее так, как собирался озаглавить заключительную часть воспоминаний – «Курсом к победе». Думаю, что такое заглавие будет вполне соответствовать содержанию. Ведь даже в самую тяжкую пору наши Вооруженные Силы твердо

шли курсом к победе, ибо каждое сражение – оборонительное или наступательное – в конечном счете приближало разгром врага.

В таком виде я и представляю на читательский суд свою новую книгу. Сразу предупреждаю: и в ней найдет освещение далеко не все, что происходило на флотах в годы войны. Это просто не по плечу одному автору и тем более мемуаристу, который пишет, главным образом, о том, с чем он сам имел дело, что ему больше всего запомнилось. О подвигах советских военных моряков написано немало книг. И я стремился по возможности не повторять то, о чем уже рассказано другими.

Свою задачу я видел в том, чтобы осветить прежде всего самые важные, с моей точки зрения, события на флотах, поделиться с читателем своими наблюдениями и размышлениями. И если они побудят читателя глубже осмыслить события тех лет, я буду считать, что труд мой не пропал даром.

Автор

1974 г.

Самые последние дни

На июнь 1941 г. было запланировано учение на Черном море. Но международная обстановка так накалилась, что у меня возникло сомнение: не лучше ли отказаться от учения? Поскольку проводить его предполагалось совместно с войсками Одесского военного округа, мы запросили мнение Генерального штаба. Оттуда не сообщили ничего, что дало бы основание изменить наш план. В целях предосторожности мы дали флоту указание держать оружие в полной готовности. Руководить учением выехал начальник Главного морского штаба адмирал И.С. Исаков. Перед отъездом мы с ним договорились, что я немедленно поставлю его в известность, если обстановка примет чрезвычайный характер. Он на месте должен был дать указание командующему применять в случае необходимости оружие.

Выехала на Черное море и группа работников Главного управления политпропаганды во главе с бригадным комиссаром И.И. Азаровым. Он получил инструкцию говорить политработникам прямо: на случай нападения Германии приводится в готовность оружие.

Впоследствии И.И. Азаров рассказывал мне, в каком сложном положении он оказался. Выступая перед личным составом крейсера «Красный Кавказ», он говорил о возможности конфликта с гитлеровской Германией и призывал лю-

дей быть бдительными. А через два дня на корабле приняли сообщение ТАСС от 14 июня, категорически отвергавшее слухи о возможности войны, объявлявшее их провокационными. К Азарову обратился командир «Красного Кавказа» А.М. Гушин с просьбой снова выступить перед людьми и разъяснить, чему же верить.

Азаров ответил командирам и матросам, что сообщение ТАСС носит дипломатический характер и направлено к тому, чтобы оттянуть столкновение, выиграть время для подготовки. А наше дело – военных людей – быть всегда начеку. Команда корабля отнеслась к его заявлению понимающе и сочувственно.

Что ни день, приходили новости, вызывавшие все большую настороженность. Ход событий, как всегда перед развязкой, решительно ускорился. В Главном морском штабе мы вели график, по которому ясно было видно, что немецкие суда все реже заходят в наши порты. Кривая, круто падавшая к нулю, наводила на мысль о плане, составленном заранее и осуществляемом с типично немецкой пунктуальностью. Даже в Таллинском порту, где еще совсем недавно было полно немецких «купцов», грузившихся очень нужным Германии сланцем, оставалось их всего два или три. Как нам стало известно, немецкий военно-морской атташе фон Баумбах обратился к своему начальству за разрешением выехать в командировку на родину. Все это нельзя было считать случайным стечением обстоятельств.

Я пригласил к себе контр-адмирала В.А. Алафузова – он замещал уехавшего на Черное море адмирала И.С. Исакова. Не прервать ли учение в районе Одессы? Но одно соображение удержало нас: флот, находящийся в море в полной фактической готовности, не будет застигнут событиями врасплох. Это было 16 или 17 июня. Уже ползли слухи о том, якобы Черчилль и Рузвельт прислали Сталину телеграммы, предупреждая его о готовящемся нападении немцев.

Я видел И.В. Сталина 13 или 14 июня, это была наша последняя встреча перед войной. Доложил ему свежие разведывательные данные, полученные с флотов, сказал о большом учении на Черном море, о том, что немцы фактически прекратили поставки для крейсера «лютцов»... Для меня бесспорно одно: И.В. Сталин не только не исключал возможности войны с гитлеровской Германией, напротив, он такую войну считал весьма вероятной и даже, рано или поздно, неизбежной. Договор 1939 года он рассматривал лишь как отсрочку, но отсрочка оказалась значительно короче, чем он ожидал.

Он, конечно, понимал, что отрезвить агрессора можно только готовностью дать ему достойный ответ – ударом на удар. Агрессор поднимает кулак, значит, надо показать ему такой же кулак.

Кулаком Гитлера были дивизии, сосредоточенные на нашей границе. Значит, нашим кулаком могли стать советские дивизии. Но совершенно недостаточно только иметь дивизи-

зии, танки, самолеты, корабли. Необходима их высокая боевая готовность, полная готовность всего военного организма, всего народа, всей страны.

Убедившись в том, что его расчеты на более позднюю войну оказались ошибочными, что наши Вооруженные Силы и страна в целом к войне в ближайшие месяцы подготовлены недостаточно, И.В. Сталин старался сделать все возможное, что, по его мнению, могло оттянуть конфликт, и вести дело так, чтобы не дать Гитлеру никакого повода к нападению, чтобы не спровоцировать войну.

В те напряженные дни ко мне зашел заместитель начальника Генерального штаба Н.Ф. Ватутин. Он сказал, что внимательно читает наши оперативные сводки и докладывает их своему начальству. Ватутин обещал немедленно известить нас, если положение станет критическим.

Мы решили, однако, больше не ждать указаний, начали действовать сами. Балтийский флот 19 июня был переведен на оперативную готовность № 2. Это в какой-то мере оберегало его от всяких неожиданностей. На Северном флоте было спокойнее, чем на Балтике, но и его мы перевели на ту же готовность.

18 июня из района учений в Севастополь вернулся Черноморский флот и получил приказ остаться в готовности № 2. Большая часть матросов и командиров кораблей так и не сошла на берег. Многие из них потом еще долгие месяцы не видели своих близких.

За последний предвоенный год мы не раз в учебных целях переводили отдельные соединения или целые флоты на повышенную готовность. Теперь повышение готовности носило иной характер – оно было вызвано фактической обстановкой, и люди на флотах это поняли.

Ночь на 22 июня

Субботный день 21 июня прошел почти так же, как и предыдущие, полный тревожных сигналов с флотов. Перед выходным мы обычно прекращали работу раньше, но в тот вечер на душе было беспокойно, и я позвонил домой:

– Меня не ждите, задержусь.

Вера Николаевна, моя жена, не удивилась: я часто задерживался на работе. Она спросила только, останусь ли я ночевать в своем кабинете. Я поспешил ответить:

– Потом расскажу.

Не хотелось говорить на эту тему по телефону. В Москве был жаркий и душный вечер. На небе собирались темные тучи, деревья на улице стояли, не шелохнув листком, в комнате, несмотря на открытые окна, не чувствовалось ни малейшего движения воздуха.

Затишье царило и в столичных учреждениях. В обычные дни после 18 часов наступала обеденная пора: руководители разъезжались по домам – часа на три, чтобы потом сидеть на работе до глубокой ночи. Но в субботу многие уезжали за город. Деловая страда спадала.

В тот вечер было как-то особенно тихо. Телефон совсем не звонил, будто его выключили. Даже такие «беспокойные» наркомы, как В.А. Малышев и И.И. Носенко, с которыми я был особенно тесно связан, не напоминали о себе вопросом,

ставшим уже привычным в последнее время: «Как дела?»»

Я сидел в своем кабинете, куда с улицы доносился привычный городской шум – гул машин, иногда громкий и беспечный молодой смех.

Рассеянно перебирал бумаги. Мысли не могли сосредоточиться на них. Совсем незадолго перед тем мне попался на глаза обзор иностранной печати и сводки ТАСС. Самые разные газеты писали о близкой войне между русскими и немцами. Не могли же все они сговориться!

Вспомнилось, как начинались войны в прошлом, особенно русско-японская в 1904 году. О ней нам часто напоминали в училище и Военно-морской академии, – может быть, потому, что ее первый акт разыгрался на море. Началась она неожиданным торпедным ударом, который японские миноносцы нанесли по русской эскадре, стоявшей на внешнем рейде Порт-Артура.

Преподаватель тактики в военно-морском училище Галль, человек веселый и остроумный, умел как-то очень просто, порой в шуточной форме, раскрыть довольно сложные понятия. Рассказ о своем предмете он начинал примерно так:

– Вот у вас есть знакомые девушки – Таня, Оля и Маня. Вам представился случай пойти в театр, а времени уже мало. Вы быстро решаете – кого пригласить? «Зайду к Тане, – рассуждаете вы, – если ее нет дома, то дальше, по пути, – к Оле, ну а в крайнем случае – к Мане, которая живет около

театра». Вот это и есть тактика.

Мы смеялись. Пример был, конечно, упрощенным, но наглядным и доходчивым. Через минуту Галль уже серьезно и глубоко анализировал известные из истории военные операции на море. Говоря о Порт-Артуре, подчеркивал: не следует удивляться тому, что враг напал без объявления войны, – на то он и враг.

Наивно было бы сетовать на его вероломство. Удивляться надо, скорее, нашему командованию, беспечно подставившему флот под удар.

Воспоминания юности потянули за собой пережитое в Картахене, где, случалось, бомбы начинали рваться раньше, чем раздавался сигнал воздушной тревоги.

Вспоминалось напряжение, владевшее нами в дни хасанских событий, когда мы ждали удара японской авиации по Владивостоку...

Мои размышления прервал заместитель начальника Главного морского штаба В.А. Алафузов. Как всегда, он пришел с вечерним докладом. Обстановка как будто не изменилась: по-прежнему была очень беспокойной на Балтике, на Черном море – спокойнее; на Севере не происходило ничего особенного...

Снова оставшись один, я позвонил наркому обороны. «Нарком выехал», – сказали мне.

Начальника Генерального штаба тоже не оказалось на месте. Решил связаться с флотами. Поговорил сначала с коман-

дующим Балтийским флотом В.Ф. Трибуцем, затем с начальником штаба Черноморского флота И.Д. Елисеевым, с командующим на Севере А.Г. Головко. Все были на местах, все как будто в порядке. Командные пункты развернуты, флоты уже в течение двух дней поддерживают оперативную готовность № 2. На берег отпущено лишь ограниченное число краснофлотцев и командиров. В Севастополе, в Доме флота, идет концерт, но в штабах и на командных пунктах работа не ослабевает. Бдительно следят за обстановкой, докладывают обо всем замеченном наблюдатели. Так, дежурный по штабу Черноморского флота подметил, что немецкие транспорты, которые обычно в эти часы находились в море, вдруг исчезли, укрылись в болгарских и румынских портах.

С некоторым облегчением я подумал: раз командующие на местах, они сумеют, если понадобится, быстро сориентироваться. Но почему нет никакой информации сверху? Нарком обороны и Генеральный штаб из наших оперсводок знают, что флоты приведены в повышенную готовность. Генеральный штаб по своей линии таких мер не принимает, и нам не говорят ни слова.

В 20.00 пришел М.А. Воронцов, только что прибывший из Берлина.

В тот вечер Михаил Александрович минут пятьдесят рассказывал мне о том, что делается в Германии. Повторил: нападения надо ждать с часу на час.

– Так что же все это означает? – спросил я его в упор.

– Это война! – ответил он без колебаний.

Едва ушел Воронцов, явился адмирал Л.М. Галлер. Он тоже не уехал домой. Уже около года Л.М. Галлер занимался судостроением. Он завел разговор о каком-то документе, касавшемся приема кораблей. Дело было неспешное и не бо-
весть какое крупное. Я понимал, что льва Михайловича привело не это. Заговорил о напряженной обстановке, о готовности флотов.

– «Октябрьская революция» все еще в Таллине и на открытом рейде, – осторожно напомнил он.

За этим стоял невысказанный вопрос: все ли сделано, чтобы обеспечить безопасность линкора? Мы поговорили о положении на Балтике, особенно в Либаве – она беспокоила меня более других баз.

Около десяти вечера лев Михайлович ушел из моего кабинета. Еще не стемнело, как вдруг поднялся ветер, закрутил воронками пыль на улице, стал трепать гардины на открытых окнах. Разразилась гроза, хлынул короткий, но сильный дождь, разгоняя веселую толпу гуляющих.

Я успел выслушать еще один, внеочередной доклад В.А. Алафузова. С флотов поступали все новые донесения о неизвестных кораблях, появляющихся вблизи наших берегов, о нарушениях воздушного пространства.

Около 11 часов вечера зазвонил телефон. Я услышал голос маршала С.К. Тимошенко:

– Есть очень важные сведения. Зайдите ко мне.

Быстро сложил в папку последние данные о положении на флотах и, позвав Алафузова, пошел вместе с ним. Владимир Антонович захватил с собой карты. Мы рассчитывали доложить обстановку на морях. Я видел, что Алафузов оглядывает свой белый китель, должно быть, считал неудобным в таком виде идти к наркому обороны.

– Надо бы надеть поновее, – пошутил он. Но времени на переодевание не оставалось.

Наши наркоматы были расположены по соседству. Мы вышли на улицу. Дождь кончился, по тротуару снова прогуливались парочки, где-то совсем близко танцевали, и звуки патефона вырывались из открытого окна. Через несколько минут мы уже поднимались на второй этаж небольшого особняка, где временно находился кабинет С.К. Тимошенко.

Маршал, шагая по комнате, диктовал. Было все еще жарко.

Генерал армии Г.К. Жуков сидел за столом и что-то писал. Перед ним лежало несколько заполненных листов большого блокнота для радиограмм. Видно, нарком обороны и начальник Генерального штаба работали довольно долго.

Семен Константинович заметил нас, остановился. Коротко, не называя источников, сказал, что считается возможным нападение Германии на нашу страну.

Жуков встал и показал нам телеграмму, которую он заготовил для пограничных округов. Помнится, она была пространной – на трех листах. В ней подробно излагалось, что

следует предпринять войскам в случае нападения гитлеровской Германии.

Непосредственно флотов эта телеграмма не касалась. Пробежав текст телеграммы, я спросил:

– Разрешено ли в случае нападения применять оружие?

– Разрешено. Поворачиваюсь к контр-адмиралу Алафузову:

– Бегите! Бегите в штаб и дайте немедленно указание флотам о полной фактической готовности, то есть о готовности номер один.

Тут уж некогда было рассуждать, удобно ли адмиралу бегать по улице. Владимир Антонович побежал, сам я задержался еще на минуту, уточнил, правильно ли понял, что нападения можно ждать в эту ночь. Да, правильно, в ночь на 22 июня. А она уже наступила!..

Позднее я узнал, что нарком обороны и начальник Генштаба были вызваны 21 июня около 17 часов к И.В. Сталину. Следовательно, уже в то время было принято решение: привести войска в полную боевую готовность и в случае нападения отражать его. Значит, все это произошло примерно за одиннадцать часов до фактического вторжения врага на нашу землю.

Не так давно мне довелось слышать от генерала армии И.В. Тюленева – в то время он командовал Московским военным округом, – что 21 июня около 2 часов дня ему позвонил И.В. Сталин и потребовал повысить боевую готовность

ПВО.

Это еще раз подтверждает: во второй половине дня 21 июня И.В. Сталин признал столкновение с Германией если не неизбежным, то весьма и весьма вероятным. Это подтверждает и то, что в тот вечер к И.В. Сталину были вызваны московские руководители А.С. Щербаков и В.П. Пронин. По словам Василия Прохоровича Пронина, Сталин приказал в эту субботу задержать секретарей райкомов на своих местах и запретить им выезжать за город. «Возможно нападение немцев», – предупредил он.

В наркомате мне доложили: экстренный приказ уже передан. Он совсем короток – сигнал, по которому на местах знают, что делать. Все же для прохождения телеграммы нужно какое-то время, а оно дорого. Берусь за телефонную трубку. Первый звонок на Балтику – В.Ф. Трибуцу:

– Не дожидаясь получения телеграммы, которая вам уже послана, переводите флот на оперативную готовность номер один – боевую. Повторяю еще раз – боевую.

Он, видно, ждал моего звонка. Только задал вопрос:

– Разрешается ли открывать огонь в случае явного нападения на корабли или базы?

Сколько раз моряков одергивали за «излишнюю ретивость», и вот оно: можно ли стрелять по врагу? Можно и нужно! Командующего Северным флотом А.Г. Головки тоже застаю на месте. Его ближайший сосед – Финляндия. Что она будет делать, если Германия нападет на нас? Есть нема-

ло оснований считать, что присоединится к фашистам. Но сказать что-либо наверняка было еще нельзя.

– Как вести себя с финнами? – спрашивает Арсений Григорьевич. – От них летают немецкие самолеты к Полярному.

– По нарушителям нашего воздушного пространства открывайте огонь.

– Разрешите отдать приказания?

– Добро.

В Севастополе на проводе начальник штаба И.Д. Елисеев.

– Вы еще не получили телеграммы о приведении флота в боевую готовность?

– Нет, – отвечает Иван Дмитриевич.

Повторяю ему то, что приказал Трибуцу и Головко:

– Действуйте без промедления! Доложите командующему.

Ни он, ни я еще не знали в ту минуту, что от первого столкновения с врагом Севастополь отделяло менее трех часов.

После разговора с флотами сложилась уверенность, что машина завертелась. Снова заглянул Л.М. Галлер. «Что нового?» – читаю на его лице. Рассказываю об указаниях, полученных от наркома обороны. Меня больше всего тревожило положение на Балтике, а лев Михайлович – старый балтиец. Обсуждаем с ним, в каком состоянии там наши силы, смотрим карту...

В те минуты, как теперь известно, на вражеских аэродро-

мах возле границы уже подвешивали бомбы к самолетам, пришли в движение фашистские танки и корабли, чтобы нанести первый удар. А мы еще думали: «Неужели война?» Где-то внутри продолжала теплиться слабая надежда: может быть, обойдется? Не обошлось. Очень скоро нам предстояло в том убедиться. Но пока для меня наступило время томительного ожидания. На флотах знали, что следует предпринять. Меры на чрезвычайный случай были точно определены и отработаны.

Я мысленно представлял себе, как приказ о фактической готовности № 1 уже передан на флоты и флотилии, дальше – в базы, соединения, и сейчас люди трудятся молчаливо и напряженно, отдавая себе отчет в цене каждой минуты. Я удерживал себя от того, чтобы снова снять трубку. Пожалуй, генерал Мольтке был прав, говоря, что, отдав приказ о мобилизации, можно идти спать. Теперь машина работала уже сама. Лишние приказы могут только помешать.

Как развивались события в ту ночь на флотах, я узнал позднее. Мой телефонный разговор с В.Ф. Трибуцем закончился в 23 часа 35 минут. В журнале боевых действий Балтийского флота записано: «23 часа 37 минут. Объявлена оперативная готовность № 1».

Люди были на месте: флот находился в повышенной готовности с 19 июня. Понадобилось лишь две минуты, чтобы началась фактическая подготовка к отражению удара врага.

Северный флот принял телеграмму-приказ в 0 часов 56

минут 22 июня. Через несколько часов мы получили донесение командующего А.Г. Головки: «Северный флот 04 часа 25 минут перешел на оперативную готовность № 1».

Значит, за это время приказ не только дошел до баз, аэродромов, кораблей и береговых батарей – они уже успели подготовиться к отражению удара.

Хорошо, что еще рано вечером – около 18 часов – я заставил командующих принять дополнительные меры. Они связались с подчиненными, предупредили, что надо быть начеку. В Таллине, Либаве и на полуострове Ханко, в Севастополе и Одессе, Измаиле и Пинске, в Полярном и на полуострове Рыбачий командиры баз, гарнизонов, кораблей и частей в тот субботний вечер забыли об отдыхе в кругу семьи, об охоте и рыбной ловле. Все были в своих гарнизонах и командах. Потому и смогли приступить к действию немедленно.

Прошло лишь двадцать минут после моего разговора с вице-адмиралом Трибуцем – телеграмма еще не дошла до Таллина, – а оперативная готовность № 1 была объявлена уже на Ханко, в Прибалтийской базе и в других местах. Об этом опять же свидетельствуют записи в журналах боевых действий: «Частям сектора береговой обороны Либавской и Виндавской военно-морских баз объявлена готовность № 1».

В 02 часа 40 минут все корабли и части флота уже были фактически в полной боевой готовности. Никто не оказался застигнутым врасплох.

Позади были недели и месяцы напряженной, кропотли-

вой, иногда надоедливой работы, тренировок, подсчетов и проверок. Позади были бессонные ночи, неприятные разговоры, быть может, взыскания, наложенные за медлительность, когда людей поднимали по тревоге. Много было позади, но все труды, потраченное время и нервы – все было оправдано сторицей в минуты, когда флоты уверенно, слаженно и без проволочек изготовились к встрече врага.

Первым принял удар на себя Севастополь. Пускай другие вступили в бой лишь на час-другой позднее, но они уже знали: враг напал на нашу Родину, война началась! Севастополь встретил нападение подготовленным. Впоследствии мне рассказывали, что в ту субботу, как и в предыдущие дни, корабли стояли в Севастопольской бухте рассредоточенно, с оружием, готовым к действию. Они были затемнены, и с берега нельзя было различить их силуэты на черной воде. Но город вечером 21 июня еще сверкал огнями. Бульвары и сады переполнила праздничная нарядная публика. «Казалось, ничто не предвещало трагических событий» – так написал об этом вечере Н.Т. Рыбалко, бывший в те часы оперативным дежурным по штабу Черноморского флота.

Около 23 часов в комнату оперативного дежурного заглянул начальник штаба флота контр-адмирал И.Д. Елисеев.

– На несколько минут отлучусь домой, – сказал он.

Н.Т. Рыбалко вновь увидел контр-адмирала меньше чем через два часа, когда тот быстро вошел в комнату дежурного, держа в руках телеграмму.

«Я ее помню дословно, – пишет Н.Т. Рыбалко, – только не ручаюсь за то, в каком порядке были перечислены флоты». Вот эта телеграмма: «СФ, КБФ, ЧФ, ПВФ, ДВФ. Оперативная готовность № 1 немедленно. Кузнецов».

Сразу же главной базе был дан сигнал «Большой сбор». И город огласился ревом сирен, сигнальными выстрелами батарей. Заговорили рупоры городской радиотрансляционной сети, передавая сигналы тревоги. На улицах появились моряки, они бежали к своим кораблям.

А вот что пишет в своих воспоминаниях адмирал И.Д. Елисеев: «Учитывая тревожную обстановку, мы договорились, чтобы в штабе флота ночью обязательно присутствовал кто-нибудь из старших начальников, облеченный правом в случае необходимости принимать ответственные решения.

В ночь на 22 июня на такое дежурство заступил я, начальник штаба. Такова уж традиция на флоте: самым ответственным считается дежурство с субботы на воскресенье.

В 01.03 поступила телеграмма из Москвы. Через две минуты она уже лежала у меня на столе. Вскоре телеграмма была вручена прибывшему командующему флотом. Это был приказ наркома ВМФ о переводе флота на оперативную готовность № 1. Немедленно привели в действие заранее отработанную систему оповещения. Предусматривалось два способа вызова личного состава: через оповестителей (скрытно) и по тревоге. Сначала я приказал использовать первый способ. Но в штаб стали поступать сообщения, что пере-

ход на повышенную готовность осуществляется недостаточно быстро. Тогда я приказал сыграть базовую тревогу.

Оперативная готовность № 1 была объявлена по флоту в 01.15 22 июня 1941 года.

Постепенно начали гаснуть огни на бульварах и в окнах домов. Городские власти и некоторые командиры звонили в штаб, с недоумением спрашивали:

– Зачем потребовалось так спешно затемнять город? Ведь флот только что вернулся с учения. Дали бы людям немного отдохнуть.

– Надо затемниться немедленно, – отвечали из штаба.

Последовало распоряжение выключить рубильники электростанции. Город мгновенно погрузился в такую густую тьму, какая бывает только на юге. Лишь один маяк продолжал бросать на море снопы света, в наступившей мгле особенно яркие. Связь с маяком оказалась нарушенной, может быть, это сделал диверсант. Посыльный на мотоцикле помчался к маяку через темный город.

В штабе флота вскрывали пакеты, лежавшие неприкосновенными до этого рокового часа. На аэродромах раздавались пулеметные очереди – истребители опробовали боевые патроны. Зенитчики снимали предохранительные чеки со своих пушек. В темноте двигались по бухте катера и баржи. Корабли принимали снаряды, торпеды и все необходимое для боя. На береговых батареях поднимали свои тяжелые тела огромные орудия, готовясь прикрыть огнем развертывание

флота.

В штабе торопливо записывали донесения о переходе на боевую готовность с Дунайской военной флотилии, с военно-морских баз и соединений кораблей.

«Примерно к 02 часам 00 минутам 22 июня весь флот находился в готовности», – записано у Н.Т. Рыбалко.

Около 3 часов дежурному сообщили, что посты СНИС и ВНОС слышат шум авиационных моторов. Рыбалко докладывает об этом И.Д. Елисееву.

– Открывать ли огонь по неизвестным самолетам? – звонит начальник ПВО полковник Жилин.

– Доложите командующему, – отвечает начальник штаба. Рыбалко докладывает комфлоту. И тут у них происходит разговор, который воспроизвожу по записи дежурного.

Ф.С. Октябрьский. Есть ли наши самолеты в воздухе?

Н. Т. Рыбалко. Наших самолетов нет.

Ф.С. Октябрьский. Имейте в виду, если в воздухе есть хоть один наш самолет, вы завтра будете расстреляны.

Н.Т. Рыбалко. Товарищ командующий, как быть с открытием огня?

Ф.С. Октябрьский. Действуйте по инструкции».

Я дословно привожу записи Н.Т. Рыбалко не для того только, чтобы дать характеристику людям. Хочется пояснить, как было трудно принимать первые решения, означавшие переход от мирного времени к войне. Ведь дело касалось Севастополя – главной военно-морской базы Черно-

морского флота. Отдать здесь приказ об открытии огня всей системой ПВО по неизвестным еще в те минуты самолетам далеко не равнозначно открытию огня на какой-либо пограничной заставе, привыкшей ко всяким инцидентам. На командовании лежала большая ответственность: с одной стороны, не пропустить безнаказанно врага, а с другой – не вызвать нежелательного осложнения. Несколько позже, когда все флоты получили прямое разъяснение, что война началась, сомнения и колебания отпали.

Естественно, такой ответ не мог удовлетворить дежурного Н.Т. Рыбалко, и он обратился к стоявшему рядом с ним начальнику штаба флота И.Д. Елисееву:

– Что ответить полковнику Жилину?

– Передайте приказание открыть огонь, – решительно сказал И.Д. Елисеев.

– Открыть огонь! – скомандовал Н.Т. Рыбалко начальнику ПВО. Но и полковник Жилин хорошо понимал весь риск, связанный с этим.

– Имейте в виду, вы несете полную ответственность за это приказание. Я записываю его в журнал боевых действий, – ответил он, вместо того чтобы произнести короткое флотское «Есть!».

– Записывайте куда хотите, но открывайте огонь по самолетам! – уже почти кричит, начиная нервничать, Рыбалко.

3 часа 07 минут. Немецкие самолеты подходили к Севастополю крадучись, на небольшой высоте. Вдруг сразу

вспыхнули прожектора, яркие лучи стали шарить по небу. Заговорили зенитные орудия береговых батарей и кораблей. Несколько самолетов загорелись и начали падать. Другие торопились сбросить свой груз. У них была задача заблокировать корабли в бухтах Севастополя, не дать им возможности выйти в море. Противнику это не удалось. Мины упали не на фарватер, а на берег. Часть попала в город и взорвалась там, разрушая дома, вызывая пожары и убивая людей.

Мины спускались на парашютах, и многие жители думали, что это выбрасывается воздушный десант. В темноте принять мины за солдат было немудрено. Невооруженные севастопольцы, женщины и даже дети бросились к месту приземления, чтобы схватить фашистов. Но мины взрывались, и число жертв росло. Однако налет был отбит, и рассвет 22 июня Севастополь встретил во всеоружии, ошестившись орудиями, которые смотрели в небо и в море.

В Москве рассвет наступил несколько раньше. В 3 часа было уже все видно. Я прилег на диван, пытаюсь представить себе, что происходит на флотах. Глуховатый звонок телефона поднял меня на ноги.

– Докладывает командующий Черноморским флотом.

По необычайно взволнованному голосу вице-адмирала Ф.С. Октябрьского уже понимаю – случилось что-то из ряда вон выходящее.

– На Севастополь совершен воздушный налет. Зенитная артиллерия отражает нападение самолетов. Несколько бомб

упало на город...

Смотрю на часы. 3 часа 15 минут. Вот когда началось... У меня уже нет сомнений – война!

Сразу снимаю трубку, набираю номер кабинета И.В. Сталина. Отвечает дежурный:

– Товарища Сталина нет, и где он, мне неизвестно.

– У меня сообщение исключительной важности, которое я обязан немедленно передать лично товарищу Сталину, – пытаюсь убедить дежурного.

– Не могу ничем помочь, – спокойно отвечает он и вешает трубку.

А я не выпускаю трубку из рук. Звоню маршалу С.К. Тимошенко. Повторяю слово в слово то, что доложил вице-адмирал Октябрьский.

– Вы меня слышите?

– Да, слышу.

В голосе Семена Константиновича не звучит и тени сомнения, он не переспрашивает меня. Возможно, не я первый сообщил ему эту новость. Он мог получить подобные сведения и от командования округов.

Говорить наркому обороны о положении на флотах, об их готовности сейчас не время. У него хватает своих дел.

Еще несколько минут не отхожу от телефона, снова по разным номерам звоню И.В. Сталину, пытаюсь добиться личного разговора с ним. Ничего не выходит. Опять звоню дежурному:

– Прошу передать товарищу Сталину, что немецкие самолеты бомбят Севастополь. Это же война!

– Доложу кому следует, – отвечает дежурный.

Через несколько минут слышу звонок. В трубке звучит недовольный, какой-то раздраженный голос:

– Вы понимаете, что докладываете? – Это Г.М. Маленков.

– Понимаю и докладываю со всей ответственностью: началась война.

Казалось, что тут тратить время на разговоры! Надо действовать немедленно: война уже началась!

Г. М. Маленков вешает трубку. Он, видимо, не поверил мне.

Кто-то из Кремля звонил в Севастополь, перепроверял мое сообщение.

Разговор с Маленковым показал, что надежда избежать войны жила еще и тогда, когда нападение уже совершилось и на огромных пространствах нашей Родины лилась кровь.

Я на свою ответственность приказал передать флотам официальное извещение о начале войны и об отражении ударов противника всеми средствами, на основании этого Военный совет Балтийского флота, например, уже в 5 часов 17 минут 22 июня объявил по флоту:

«Германия начала нападение на наши базы и порты. Силой оружия отражать всякую попытку нападения противника».

Главный морской штаб передал еще один приказ фло-

там: «Немедленно начать постановку минных заграждений по плану прикрытия». Помнится, балтийцы просили это еще раньше, когда перешли на готовность № 2, то есть 19 июня. Но я не мог такого позволить – это выходило за рамки моих прав. Поэтому на Балтике этот приказ получили в 6 часов 30 минут 22 июня. Балтийский морской театр беспокоил нас больше других, и мы хотели наверстать упущенное время. Затем было дано дополнительное приказание: «Ставить мины круглосуточно, использовать все что можно: эсминцы и другие корабли». Помнится, Л.М. Галлер лично звонил в Таллин и просил ускорить эту операцию: ведь нужно было выставить несколько тысяч мин. Командующий эскадрой контр-адмирал Д.Д. Вдовиченко вышел с отрядом прикрывать операцию. С каким риском, выдержкой и сознанием своего долга выполнялась эта опасная операция, писал мне потом командир минзага «Ока» Н.И. Мещерский.

Страна вступает в бой

Первые часы войны, несмотря на моральную подготовку к ней, вызвали известное замешательство. Нужно было сделать резкий поворот во всей работе, решительно перестроиться на новый, военный лад. В эти часы в московском кабинете, вдали от флотов, еще не чувствовалось дыхания войны, хотя было уже известно, что на переднем рубеже полыхает пламя ожесточенного столкновения. Все нужные первые приказания отданы. Донесения с флотов поступают в Главный морской штаб и наносятся там на карту, анализируются. Хотелось что-то предпринимать, но ясности – что же именно следует делать немедленно, какие отдать приказания – пока не было.

Бумаги, горой лежавшие на столе со вчерашнего, мирного дня, потеряли свое значение. Они относились к боевой подготовке и строительству флота. Большинство вопросов теперь будет решаться по-иному, в соответствии с требованиями начавшейся войны.

Я решил спокойно посидеть, собраться с мыслями. Вспомнилось, как старый марсофлот Э.С. Панцержанский говорил мне, когда я был еще командиром крейсера: «Когда обстановка на корабле становится сомнительной и вы не уверены в своих действиях, поставьте машины на „стоп“, посмотрите, прикажите штурману проверить свое место и, уточ-

нив обстановку, двигайтесь дальше». Хороший совет! Но он пригоден лишь для мирного времени: попал в туман, не уверен в своем месте – остановись и проверь, чтобы не выскокить на мель. В военное время подчас нет времени осмотреться. Замешкаешься – и события неумолимо захлестнут тебя. Теперь надо на все реагировать быстро и точно. За промедление, как и за ошибки, ныне придется расплачиваться кровью. От военачальников всех степеней потребуются и хладнокровие, и мгновенный расчет. Командир корабля уже не может воспользоваться разумным для мирного времени советом и отдать якорь, чтобы разобраться в обстановке. Новая техника неизмеримо ускорила темпы войны. Мастерство, собранность и четкость приобрели особое значение. Таково веление времени.

Рука невольно тянется к телефону. Связываюсь с флотами, с управлениями наркомата. Короткие разговоры сводятся к одному: больше оперативности, следить за каждым шагом противника, действовать решительно, не дожидаясь указки сверху. Утром контр-адмирал В.А. Алафузов сделал мне обстоятельный доклад о положении на флотах, всех распоряжениях, отданных им от имени наркома, и своих предложениях на будущее. Больше всего нас тревожили две опасности: высадка десанта и мощные налеты с воздуха на военно-морские базы.

Наркомат работал напряженно. Связь с флотами действовала бесперебойно. От Либавы до Кронштадта шла война на

воде, под водой и в воздухе. С кем бы ни приходилось говорить, первые дни войны все вспоминали с удивительными подробностями по часам и даже минутам. Да, такое не забывается!..

22 июня в 12 часов дня Советское правительство обратилось к народу с заявлением о вероломном нападении фашистской Германии. О начавшейся войне узнала вся страна.

Партия призывала советских людей встать на защиту Родины. Слова заявления звучали сурово и в то же время оптимистически. Наше дело правое, мы победим!

Огромная страна поднималась на бой. Тяжелый и кровавый.

Не помню, по своей инициативе или по поручению Сталина вечером связался с В.М. Молотовым. Он курировал наш наркомат, решая текущие вопросы. Разговор касался обстановки на флотах. Я в тот час не имел оснований особенно тревожиться. В Севастополе после ночного налета было спокойно. На Балтике жестоким атакам уже подверглась Либав, но данных о значительном продвижении немцев на сухопутном фронте еще не поступало.

Приказываю заместителю начальника Главного морского штаба В.А. Алафузову чаще информировать Генеральный штаб о том, что происходит на флотах. Сам, в свою очередь, старался получить самые последние данные о положении на сухопутных фронтах.

В кабинет быстрым, энергичным шагом вошел приехав-

ший из Севастополя мой заместитель адмирал И.С. Исаков. Вместо обычного доклада о своей поездке и проведенном под его руководством учении Черноморского флота он попросил дать ему время разобраться в обстановке и только после этого доложить свои соображения.

– Добро, – согласился я.

В вечерней сводке, уже доложенной лично адмиралом Исаковым, отмечалось значительное продвижение противника на Либаву. К этому он и старался больше всего привлечь мое внимание. В остальном все шло по плану. Полным ходом ставились минные заграждения, проводилась мобилизация, и пока нам ничего не оставалось, как ожидать полного развертывания флотов и готовить их для проведения первых боевых операций. Такие операции были предусмотрены еще в мирное время. Однако осуществление их и все дальнейшие наши действия зависели от положения дел на сухопутных фронтах в целом. Мы впервые на деле почувствовали подчиненную роль Военно-Морского Флота общим стратегическим планам Генерального штаба.

Главный морской штаб получил последние данные о боевых действиях с флотов. Севастополь уточнил, что сброшены не бомбы, а мины, которыми гитлеровцы рассчитывали закрыть фарватер и от которых в итоге пострадали женщины и дети. Мины были новые – электромагнитные. Немного позднее поступили сведения из Измаила, где находился штаб Дунайской военной флотилии. Там война началась бе-

шенным шквалом огня с румынского берега Дуная. Корабли находились в готовности и сразу ответили не менее сильным огнем. Потерь они не имели. К вечеру мы узнали, что немцы несколько раз бомбили Либаву. Налеты отражались зенитным огнем и истребительной авиацией. На Севере авиация противника с норвежских аэродромов атаковала корабли, аэродромы и другие военные объекты в Кольском заливе.

Мне позвонил адмирал А.Г. Головко:

– Разрешите бомбить авиацию противника на его аэродромах?

– Разрешаю бомбить аэродромы на норвежской территории, – последовал ответ.

Прямых военных действий со стороны Финляндии еще не велось. Мы понимали, что назвать ее нейтральной страной трудно, симпатии ее правительства были явно на стороне немецких фашистов. Однако открывать военные действия против финнов мы не могли и не хотели.

К исходу 22 июня поступили новые сведения о том, что немцы рвутся к Либаве. Нападать на базу с моря противник не решался, а с суши, как я надеялся, он получит отпор от сухопутных частей Прибалтийского военного округа, чьей задачей было оборонять город и базу.

Было важно, что противник в первый день войны не потопил ни одного нашего корабля.

Правда, в дальнейшем мне предстояло увидеть воочию и свои упущения, убедиться, что во многом противник все же

упредил нас. Раньше всего это обнаружилось на Балтийском море. К началу войны немцы успели поставить минные заграждения у наших берегов. Их подводные лодки заранее заняли позиции на вероятных путях передвижения наших кораблей.

Очевидно, к началу войны нам следовало не только привести флоты в высокую готовность, но и осуществить хотя бы частичную мобилизацию и развертывание боевых сил. Захватчика останавливает и отрезвляет не пассивность другой стороны, а ее решимость и готовность к отпору.

Перед нападением немцев штаб Балтийского флота имел сведения о «подозрительных силуэтах» в море. Мы ограничились тем, что докладывали о них. А что означали эти силуэты, мы узнали в первые дни войны. Крейсер «Максим Горький» подорвался на заранее поставленных немцами минах. Только отличная выучка и самоотверженность личного состава и умелые действия командира крейсера капитана первого ранга А.Н. Петрова спасли корабль, и он смог вскоре вернуться в строй. Все могло кончиться более трагично.

В ту пору у нас обнаружилось немало и других ошибок, так что не станем списывать все за счет «неправильной оценки положения Сталиным». Ему – свое, нам – свое.

Как бы там ни было, война грянула, и надо было сражаться с врагом, напрягая все силы, всю волю, не щадя жизни.

Поздно вечером 23 июня я был приглашен к Сталину. Это был первый вызов с начала войны. Машина подошла к подъ-

езду в тупике, где всегда было тихо и безлюдно. Только узкому кругу лиц было известно, как подняться на второй этаж и по ковровой дорожке пройти в приемную Сталина.

Оставив фуражку в гардеробе первого этажа, я вошел в лифт и поднялся наверх. В приемной никого не было. Значит, все уже в кабинете, решил я, и поспешил справиться у А.Н. Поскребышева, можно ли пройти. Как всегда, над его столом висела фотография Сталина в буденновском шлеме времен обороны Царицына. Внешне все оставалось по-старому.

Я мысленно готовился доложить о нормальном развертывании флотов, наступлении немцев на Либаву и подготовке Черноморского флота к операции по обстрелу Констанцы.

В кабинете Сталина кроме членов Политбюро находился нарком обороны. На столе развернуты карты. Как я понял, речь шла о строительстве оборонительных рубежей в районе Вязьмы.

Завидев меня, Сталин попросил доложить о положении на флотах. Выслушав, удовлетворенно кивнул: хорошо.

В это время донесли о приближении вражеских самолетов. Все встали и вопросительно посмотрели на Сталина.

– Что ж, придется прервать работу, – сказал он.

Все уселись в машины и направились в еще не совсем готовое помещение на станции метро «Кировская». При мне Сталину передавались донесения с командного пункта ПВО. Командующий противовоздушной обороной Москвы гене-

рал-майор М.С. Громадин пережил тяжелые минуты. Он докладывал о всех принятых с его стороны мерах, а самолеты приближались...

Вскоре оказалось, что самолеты – наши. Тревога была ложной.

В газетах на следующий день об этой тревоге писалось как об учебной. Работники ПВО Москвы, как мне известно, тяжело переживали ошибку, но по указанию Сталина никто не был привлечен к серьезной ответственности.

Ложная тревога принесла свою пользу. Была усилена противовоздушная оборона столицы. 9 июля Государственный Комитет Обороны принял специальное постановление по этому вопросу, на основе которого Ставка более чем втрое увеличила число истребительных авиаполков в 6-м авиакорпусе, прикрывавшем Москву. Значительно был пополнен 1-й корпус ПВО. Почти в три раза увеличилось количество аэростатов заграждения. Поэтому когда немцы 22 июля предприняли массированный (свыше 250 самолетов) налет на советскую столицу, то получили организованный отпор. В воздушных боях и огнем зенитной артиллерии было уничтожено 22 фашистских бомбардировщика. К Москве прорвались лишь немногие самолеты, не причинившие существенного ущерба городу.

За все время войны к Москве прорвалось около 500 самолетов. Как правило, силы ПВО встречали их еще на подходах к городу, и они, беспорядочно сбрасывая бомбы, несли

большие потери.

Мне приятно вспомнить, что несколько флотских зенитных батарей участвовали в обороне нашей столицы и получили высокую оценку своей боевой работы...

23 июня стало известно, что премьер-министр Великобритании У. Черчилль заявил о поддержке Советского Союза в войне. 24 июня Рузвельт выразил готовность Соединенных Штатов Америки предоставить Советскому Союзу «всю возможную помощь». Это означало, что мы не одиноки в борьбе против фашизма и что Германии придется воевать на два фронта, хотя главный ее удар явно будет направлен на Восток.

Речь, произнесенная И.В. Сталиным утром 3 июля, произвела большое впечатление своей искренностью и ясностью указаний, как бороться с врагом. Сталин призвал народ к беспощадной священной войне, не обещая скорой и легкой победы. Необычно низкий голос, тяжелое дыхание говорили о его волнении. Все, кто оказался в это время у приемников или громкоговорителей, с замиранием сердца ловили каждое слово.

Призыв к развертыванию партизанской войны, к созданию народного ополчения и, наконец, определение войны Советского Союза против фашистской Германии и ее сателлитов как войны отечественной, всенародной – все это наполняло сердца уверенностью, что, несмотря на первые неудачи, мы в конце концов победим. И вместе с тем рос-

ло чувство тревоги за судьбу Родины: попытка взять в первые дни войны инициативу в свои руки нам не удалась, противник быстро продвигался, немецкая авиация прокладывала путь своим моторизованным частям на севере к Ленинграду, в центре – к Москве и на юге – к Киеву.

Обсуждая обстановку в Главном морском штабе, мы считались с возможностью высадки морских и воздушных десантов на флангах нашей армии или в районах военно-морских баз. Больше всего опасались активных действий крупных сил немецкого флота на Балтике, высадки десанта на Севере, где-нибудь на Кольском полуострове, а в случае успешного продвижения гитлеровцев на юге – крупного воздушного десанта и в Крыму.

Активнее всего против наших баз и кораблей гитлеровцы действовали с воздуха. Однако их налеты большого вреда не причинили. В ответ на ожесточенные воздушные атаки Либавы авиация Балтийского флота в первый же день ударила по Мемелю (Клайпеда). Судя по аэрофотоснимкам, повреждения были нанесены крупные.

Успешно действовала наша авиация и на Черном море, нанося удар по Плоешти. Корабли Черноморского флота готовились ударить по Констанце.

Действия немецкого флота против нашего Балтийского фактически начались за несколько дней до войны. Фашистские подводные лодки были высланы на позиции к нашим берегам по меньшей мере за два дня. Уже 21 июня немецкие

и финские корабли начали ставить мины на вероятных путях движения советских кораблей в устье Финского залива.

Отдав распоряжение о повышении готовности, Военный совет флота стал анализировать обстановку, прикидывая, откуда и в каком направлении следует ожидать нападения. Как в Таллине, так и в Москве самым опасным участком побережья представлялся район Либавы. Там наши сухопутные и морские границы примыкали непосредственно к Германии. И действительно, война для Балтийского флота началась на суше, на участке Либавы.

В предвоенные дни, думая о грядущих событиях, мы, моряки, стремились разгадать планы гитлеровского морского командования. Сводки, поступавшие из Генштаба, говорили о сосредоточении крупных сил немцев по всей западной границе; здесь, очевидно, предполагались основные сражения сухопутных сил. Роль Балтийского флота становилась в этой связи весьма ответственной. Его главнейшей задачей являлось обеспечение флангов стратегического развертывания наших Вооруженных Сил, а потом – и действия их. Было очевидно, что будущий фронт с первых дней войны упрется флангами на севере в Баренцево море, южнее – в Балтику.

Как и многие мои товарищи, я, не допуская мысли о глубоком вторжении неприятеля на территорию нашей страны, все же считал возможной его попытку с ходу захватить Либаву. Вот почему, посетив эту базу перед войной, я вместе с командованием Прибалтийского военного округа занимался

вопросами обороны Либавы с суши. Ведь точно так же, как флот обязан с моря прикрыть развертывание армии, задача армейских частей – прикрыть мобилизацию военно-морских баз. Если сухопутные войска не прикроют развертывание флота, он не сможет успешно решать боевые задачи. Это полностью подтвердилось в те дни, когда противник быстро продвигался к Риге и Таллину. Повышенная готовность флота к моменту нападения, минные заграждения, мощь батарей – все оказалось в конечном счете недостаточно эффективным, корабли вынуждены были оставлять свои базы и отходить на восток.

Ход событий в Либаве вкратце был таков.

Командир базы М.С. Клебенский 19 июня получил приказ о переводе частей базы на готовность номер два. Об этом он известил своего оперативного начальника – командующего Прибалтийским военным округом и командира 67-й стрелковой дивизии генерала Н.А. Дедаева, с которым ему предстояло взаимодействовать. Около 23 часов 40 минут 21 июня приказом комфлота была объявлена готовность номер один с разрешением применять оружие в случае нападения и с предупреждением, что нападение возможно в ближайшую ночь. Командир базы немедленно оповестил об этом командира дивизии.

В 4 часа 22 июня гитлеровцы перешли в наступление в районе Палангена (Паланга), и одновременно их авиация начала бомбить аэродром в Либаве. 291-я пехотная дивизия

врага форсированным маршем по прибрежной дороге двигалась на город. Части еще не развернутой по военному времени 67-й стрелковой дивизии и военно-морской базы оказали противнику героическое сопротивление. С утра 22 июня наши корабли начали ставить мины у входа в базу; на позиции были высланы подводные лодки, а часть кораблей направлена в Виндаву (Вентспилс) и Усть-Двинск (Даугагрива).

Хотя противнику не удалось захватить с ходу Либаву и бойцы 67-й стрелковой дивизии, поддержанные береговыми батареями, отразили первый натиск, гитлеровцы к исходу 25 июня все же прорвались к судостроительному заводу «Тосмаре». Командир эсминца «Ленин» капитан-лейтенант Ю. Афанасьев, как старший в группе ремонтирующихся кораблей, приказал взорвать те из них, которые были не способны выйти в море. Это ответственное решение являлось правильным. Тогда же были взорваны склады боеприпасов и топлива. В течение 25 и 26 июня продолжалась борьба за город и базу. Вечером 26 июня командир дивизии и командир базы получили приказ отходить. Осуществить его удалось только частично: дороги на Виндаву были уже заняты противником. Сопротивление в различных точках Либавы продолжалось еще пять дней, и только на шестой смолкли последние выстрелы.

Первому сильному натиску врага на Либаву оказывали сопротивление помимо 67-й стрелковой дивизии и батарей береговой обороны флотские подразделения: училище ПВО,

дислоцированное в Либаве, эскадрилья МБР-2 и некоторые другие части. Следует отметить участие в боях и моряков-пограничников.

Командир Либавской военно-морской базы смелый и энергичный капитан 1-го ранга М.С. Клевенский позднее рассказывал, как тяжело было управлять обороной базы при подавляющем превосходстве противника на земле и в воздухе.

Благодаря героизму защитников Либавы, молниеносной атаки у немцев не получилось, они понесли большие потери. Мы обязаны отдать должное командирам, политработникам и бойцам 67-й стрелковой дивизии, личному составу береговых батарей и кораблей Либавской базы – они сделали все, что могли, в той трудной обстановке. Изучая кратковременную оборону Либавы в самые первые дни войны, можно найти много поучительного в вопросах подготовки флотских частей базы и прикрывавшей ее дивизии, а также в области взаимодействия военного округа и флота.

Либава едва ли могла устоять при наличии тех преимуществ, которые имели тогда немцы в численности войск, уровне техники (самолеты, танки) и боевом опыте. Однако город мог продержаться дольше. Он не был застигнут врасплох, на что иногда ссылаются при описании боев передовых частей. Как уже говорилось, командир базы, а от него и командир 67-й стрелковой дивизии еще вечером 21 июня знали о возможном нападении врага в ближайшую ночь и могли

привести части в готовность. Первые выстрелы на границе и налет фашистской авиации на рассвете 22 июня не были для них неожиданными. Это очень важные факты для анализа недостаточной прочности обороны Либавы и выяснения истинных причин этого явления.

Там, где оборону ведут вместе армия и флот, вопросы взаимодействия имеют исключительное значение. Стрелковой дивизии, оборонявшей Либаву, могли оказать огромную помощь береговые батареи, артиллерия кораблей и подразделения моряков. Все эти силы, сведенные в одно целое и умело направленные, способны были сделать многое. Но они не были объединены, и вину за это нельзя перекладывать на командира стрелковой дивизии или командира военно-морской базы. Вопрос о том, кому оборонять Либаву, острова Эзель (Сааремаа), Даго (Хийумаа) и полуостров Ханко, кто должен стоять во главе обороны, кому подчинять ответственных за оборону лиц – округу или флоту, обсуждался до войны в наркоматах обороны и Военно-Морского Флота. Что касается Либавы, то здесь напрашивалось одно решение: назначить ответственным за ее оборону командира базы, придать ему некоторые стрелковые части и, подчинив все эти силы командующему Балтийским флотом, готовить их к обороне как с моря, так и с суши. Но в Генеральном штабе тогда одержало верх другое мнение. Хотя впоследствии командиру Одесской военно-морской базы контр-адмиралу Г.В. Жукову подчинили для обороны Одессы целую армию,

командующему Балтийским флотом в Таллине – корпус, в отношении Либавы перед войной вопрос был решен иначе. 67-ю стрелковую дивизию включили в состав 8-й армии, а Либавская военно-морская база вошла в оперативное подчинение командующего Прибалтийским военным округом.

Надо признать, что обороне Либавы с суши не придавалось должного значения. Меня это беспокоило. В 1940 году, будучи в Риге, мы с В.Ф. Трибуцем побывали у командующего военным округом Ф.И. Кузнецова. Речь зашла о сухопутной обороне Либавы и Риги. Командующий округом не разделял наших тревог, он и мысли не допускал, что в случае войны наши войска могут отойти так далеко.

Теперь мы расплачивались за недооценку сухопутной обороны баз. Хотя в Либаве было достаточно сил – стрелковая дивизия, береговая артиллерия, корабли, авиация, – мы не сумели использовать их с должной эффективностью. Дивизия оказалась растянутой на 200-километровом фронте. О своей ответственности за определенные направления и за строительство укреплений вокруг города командир дивизии и командир базы договорились только перед самым вражеским нападением. Лишь в самый последний момент были составлены таблицы артиллерийского огня для поддержки войск, а командир дивизии вступил в командование всеми силами, оборонявшими базу. С таким же опозданием началось формирование частей из моряков и гражданского населения. Вот почему, несмотря на героизм защитников города,

в том числе и самого Н.А. Дедаева, отдавшего жизнь в этих боях, оборона Либавы длилась так недолго.

Считаю своим долгом повторить, что ответственность за это нельзя возлагать на местное командование. Организация сухопутной обороны баз зависела прежде всего от Генерального штаба. Не могу снять вины и с себя: в свое время надо было проявить больше настойчивости в решении этого вопроса.

События развертывались так стремительно, что все предварительные оперативные наметки оказались нереальными. Балтийцам пришлось выполнять совсем другие задачи применительно к обстановке, которая складывалась пока далеко не в нашу пользу.

Быстрое продвижение немцев к Риге и далее к Пскову и Таллину, естественно, вынуждало их широко использовать морские пути. Уже в первой половине июля были обнаружены отдельные транспорты и небольшие конвои противника, шедшие вдоль побережья через Ирбенский пролив на Ригу. Самым подходящим средством для удара по транспортам была, конечно, минно-торпедная авиация. Она годами готовилась именно для этого. Но ввиду чрезвычайных обстоятельств основная масса авиации флота была нацелена на танковые колонны врага, двигавшиеся на Ленинград. Кроме того, она прикрывала дравшуюся в Эстонии 8-ю армию и бомбила немецкие части, наступавшие на главную базу флота – Таллин.

Обстановка на Балтике в первые недели войны была нервозной. Приказания командующему ВВС флота генералу М.И. Самохину давались нередко «напрямую», без ведома командования КБФ. Чисто флотские задачи авиации КБФ в такой обстановке отходили на второй план. Командующий флотом адмирал В.Ф. Трибуц резонно докладывал о ненормальном или просто тяжелом положении, а мы отвечали ему стереотипными для тех дней указаниями: «Таллин, Ханко и острова Эзель и Даго удерживать до последней возможности».

Иных указаний мы дать тогда не могли. Перед нами был враг сильный, опытный, тщательно, до мелочей, подготовившийся к нападению. Героизм наших людей был безграничен, они не жалели сил, чтобы остановить врага. Но еще не хватало боевого опыта. Чтобы приобрести его, требовалось время. А время, в свою очередь, требовало усилий и немалых жертв. Эти усилия и жертвы не были напрасны. Без упорной борьбы в Либаве, а затем на территории Эстонии, возможно, не выдержал бы месячной осады и Таллин, а без борьбы за Таллин, за острова Эзель и Даго, за полуостров Ханко, в свою очередь, труднее было бы отстоять Ленинград в критические сентябрьские – октябрьские дни 1941 года.

То, что авиацию КБФ пришлось нацелить на сухопутные объекты, а не на вражеские конвои, было в создавшейся обстановке неизбежно. В данном случае не следует подходить к делу только с академической меркой и рассуждать, кому

и как полагается действовать в соответствии с параграфами боевых уставов и наставлений. Необычная обстановка тех дней часто требовала и необычных решений.

Я уже говорил, какое значение мы придавали в мирные дни сосредоточенным ударам авиации, подводных лодок и надводных кораблей различных классов, ударам одновременно всеми силами и в выгодном для нас месте. Но чтобы наносить сосредоточенные удары, надо было держать инициативу в своих руках, своевременно знать о движении неприятельских кораблей и располагать временем для организации таких ударов. Однако и при этих условиях, как мы убеждались еще до войны, «сосредоточенные удары» получались, как правило, лишь тогда, когда руководители учений ограничивали «противника» в его движении определенными курсами. Теперь же, когда мы обнаруживали конвой немцев часто уже при входе в Рижский залив, нам ничего не оставалось, как наносить удары лишь теми силами, которыми мы в тот момент располагали.

Еще советско-финская война зимой 1939/40 года подтвердила старую истину, что учиться воевать следует в условиях, как можно более приближенных к боевым, но в первые месяцы после нападения на нас фашистской Германии мы снова убедились, что в этом направлении нами было сделано далеко не все.

Что было, то было. Сейчас полезно сказать об этом откровенно и подчеркнуть, насколько важно постоянно помнить

о возможности войны и готовиться к ней, не допуская, где можно, условностей. Не случайно на памятнике С.О. Макарову в Кронштадте были высечены слова: «Помни войну».

Несмотря на наши промахи, роль, которую сыграл Военно-Морской Флот в обеспечении флангов армии, была исключительно важной. Нельзя считать случайностью или просчетом немецкого командования, что Красная Армия не только в начале войны, но и позже не имела у себя в тылу ни одного десанта, высаженного с моря.

Важным фактом являлась стойкая оборона наших военно-морских баз, когда они оказывались на флангах сухопутных частей. В этих случаях фашистские войска встречали упорное и длительное сопротивление на суше, зачастую сказывавшееся на темпах продвижения всего фронта. Понимая это, Гитлер не случайно требовал от Антонеску в августе – сентябре 1941 года как можно быстрее захватить Одессу. А город-герой, сопротивляясь, оказывал влияние на ход сражений всей южной группы немецких армий. Если говорить о Балтике июля – августа 1941 года, то немецкий флот в то время не проявил ожидаемой активности. Только в самом конце сентября в Або-Аландские шхеры пришла эскадра в составе самого крупного немецкого линкора «Тирпиц», тяжелого крейсера и нескольких легких крейсеров, да почти в то же время соединение крейсеров сосредоточилось в Либаве. А между тем мы вполне резонно полагали, что германская армия и флот будут тесно взаимодействовать именно здесь,

на Ленинградском направлении, опасались высадки морских десантов, ожидали, что крупные корабли противника будут серьезно препятствовать нашей эвакуации морем из Таллина.

Почему немецкий флот был так пассивен в то время?

В западногерманской мемуарной литературе послевоенных лет я не нашел прямого ответа на этот вопрос, но его касается в своей книге «Война на море 1939–1945» Фридрих Руге, один из гитлеровских адмиралов, а затем командующий военно-морским флотом ФРГ. Он пишет, что, составляя план «Барбаросса», Гитлер и его генералы рассчитывали на успех блицкрига и без активного участия флота. Время показало несостоятельность чисто сухопутных или морских концепций ведения войны.

Немецкое командование все равно вынуждено было использовать свой флот, когда операции на суше пошли совсем не по плану «Барбаросса».

Находясь на сугубо субъективистских позициях самостоятельной, точнее, самодовлеющей морской стратегии, Руге и позже, судя по его книге, не понял, что в войне Советского Союза и Германии, несмотря на то что центр тяжести борьбы в силу чисто географических причин был на суше, флоты обязательно должны были действовать совместно с сухопутными войсками. Это отчетливо представлял себе наш Генеральный штаб, сумевший по указанию Ставки оперативно исправить в ходе войны промахи мирного времени. Это по-

нимали и мы, моряки, когда готовились к поддержке сухопутных войск, призванных решать главную задачу.

Подтверждая, что при составлении планов нападения на Советский Союз Гитлер и его окружение явно игнорировали возможности флота, Руге считает, что советский флот выполнял несвойственные ему задачи, принимая участие в боевых действиях совместно с сухопутными войсками. По мнению Руге, в этом сказалась... слабость нашего флота, якобы неспособного выполнять свои прямые задачи. На деле же в этом была сила нашего флота. В Одессе и Севастополе, в Таллине и на Ханко моряки действовали, сообразуясь с общей стратегией: сражаться с врагом, где бы ни довелось – на море, в воздухе или на суше. Именно поэтому наша флотская авиация часто видела главную задачу в подавлении сухопутных объектов, оставляя в стороне чисто флотские объекты. Когда потребовалось, флоты дали сотни тысяч человек, сформировав части морской пехоты, дравшейся – и как дравшейся! – почти на всех фронтах. Такая «пассивность» нанесла гитлеровцам немалый урон.

Анализируя причины пассивности немецкого флота, я склонен на первый план поставить боязнь немцев понести большие потери от нашей минно-торпедной авиации, подводных лодок и мин. 20 подводных лодок Краснознаменного Балтийского флота в первые же дни войны были развернуты в море. Нелишне добавить и то, что Гитлер очень болезненно реагировал на потерю крупных кораблей.

Колоссальная стоимость каждого крупного корабля и невозможность возместить его потерю в ходе войны давали себя знать и в нашем флоте. Помнится, с каким беспокойством смотрели мы на линкоры, стоявшие на открытом рейде Таллина, как стремились быстрее перебазировать их в более безопасное место – Кронштадт. Так было и на Черном море. Но, если требовала обстановка, наши крупные корабли, не в пример немецким, смело вводились в бой. Линкор «Севастополь» мы использовали для обстрела позиций противника у осажденного Севастополя и в других местах. Балтийские линкоры «Марат» и «Октябрьская революция» со своей мощной артиллерией активно участвовали в обороне Ленинграда, сначала маневрируя на ограниченном пространстве вблизи Кронштадта, а затем стоя у стенки.

Тяжелые месяцы пережили балтийцы в 1941 году, когда флот вынужден был отходить от Либавы до Кронштадта. Немало трудностей было и позже, хотя даже трудная зима 1941/42 года была, по-моему, менее тяжелой, чем первые месяцы войны. Именно в эти месяцы подверглись жестокой проверке, суровым испытаниям наши люди. И они героически выдержали эти испытания.

Балтийский флот годами готовился к войне на море: к действиям на коммуникациях, к бою на минно-артиллерийской позиции в устье Финского залива, к обороне своих баз с моря, к защите от вражеских десантов побережья. В начале войны флоту пришлось повернуть пушки, так сказать,

на сто восемьдесят градусов и действовать «на обратной директрисе», как шутливо выражались иногда на своем языке артиллеристы.

Сложившаяся обстановка вынудила отказаться от планов, разработанных в мирное время, и сосредоточить все внимание на опасности, грозившей с суши.

Конечно, если бы войска фашистской Германии были остановлены на наших границах, немецкому флоту пришлось бы действовать активнее. Тогда пригодились бы все варианты наших довоенных оперативных планов.

Недостаточная подготовленность к началу войны театра военных действий, неожиданное направление вражеских ударов подчас приводили нас к ряду ошибок в борьбе за свои районы и базы, а иногда ставили в исключительно тяжелое положение. Так, в конце июня, когда была захвачена Рига, кораблям отряда легких сил пришлось базироваться на не приспособленные для этого бухты, а затем отходить мелководным фарватером через Моонзунд. И все же командование Балтийского флота сумело под носом у противника углубить моонзундский фарватер и вывести через него крейсер «Киров», а также многие другие корабли и суда. На поверку вышло, что гитлеровцы раньше времени прокричали о том, что им удалось «запереть большие силы красных в Рижском заливе»...

Дни второй половины июля вспоминаются как весьма тревожные для Балтийского флота.

В то тяжелое время, когда, несмотря на героизм наших людей, приходилось оставлять базу за базой, мы особенно явственно ощутили все недоделки в подготовке флотов. Больше всего они сказались в отработке взаимодействия флота с армией, в обеспечении флота некоторыми типами кораблей и боевых средств, а зачастую и в уровне боевой подготовки.

Как далеко подчас бывает от планов на бумаге до их осуществления! Будучи командиром крейсера, я, казалось, не сомневался, что на учениях корабль выполнит все, как написано в плане. Но стоило начать действовать – и обнаруживалось немало недоработок. Уже тогда я научился понимать, что никакой план нельзя считать реальным, пока он не проверен на деле. Позже, когда я командовал Тихоокеанским флотом, во время хасанских событий, возникла реальная опасность атаки с воздуха нашей главной базы – Владивостока. Тогда мы обнаружили, что хранившиеся в сейфах планы – это еще далеко не полная гарантия действительной боеготовности флота. Пришлось в течение нескольких месяцев проводить различные учения, чтобы проверить наши планы на практике и срочно откорректировать их.

А когда началась Великая Отечественная война, я снова убедился: она вносит самые непредвиденные поправки в планы, несмотря на то, что они не раз уже проверены на учениях.

Говоря о боях за Либаву, я упоминал, что не сразу бы-

ло достигнуто единое понимание взаимодействия между армией и флотом на этом конкретном участке. Нечто похожее повторилось в Таллине. Вопреки планам мирного времени ответственность за оборону Таллина с суши сразу была возложена на Военный совет Балтфлота, но сухопутные войска были подчинены флотскому командованию с большим опозданием.

Теперь о кораблях и боевых средствах. Давно известно, что наибольший эффект в войне дает только правильно «сбалансированный» флот, то есть флот, имеющий достаточно надводных и подводных кораблей всех нужных классов и типов. Обеспечить это соотношение кораблей еще в предвоенные годы было прямой обязанностью наркома ВМФ и Главного морского штаба. Здесь нельзя сослаться ни на высшие органы, ни на промахи на местах.

Очень болезненно, особенно на Балтийском флоте, сказалась нехватка тральщиков и тральных средств. Все мы, руководители флота, понимали, что в условиях балтийского мелководья мины явятся большой опасностью, что без тральщиков немислим ни один выход кораблей. Если бы спросить любого из нас, что требуется в первую очередь для Балтийского морского театра, мы бы не задумываясь ответили: строить тральщики, создавать тралы, дать современные мины для борьбы с противником. На деле же получилось иначе. Это нужно признать.

Уделяя внимание крупным кораблям, мы медленно стро-

или новые быстроходные тральщики (БТЩ), к тому же строили их мало. Также непростительно, что после начала войны в Европе, когда возросла опасность нападения фашистской Германии на Советский Союз, мы не пополнили флот кораблями торгового флота, способными действовать в качестве тральщиков. В результате на КБФ к началу войны было всего 20 БТЩ, а по самым скромным подсчетам их требовалось не менее 100. Такое положение с тральщиками снизило эффективность использования боевых кораблей и вызвало лишние потери при прорыве флота из Таллина в Кронштадт. Подводя итоги первого месяца войны, Военный совет флота оценил минную опасность как главную. Острота вопроса вынудила его распорядиться «подобрать в Ленинграде все, что может оказаться пригодным», а если не будет этой возможности, то «подобрать 15–20 морских или речных буксиров, вплоть до колесных». Так велика была нужда в тральщиках.

Это, очевидно, знали и немцы. Недаром, не рискуя крупными кораблями, Гитлер по плану «Барбаросса» уже в феврале 1941 года решил с началом войны широко использовать на Балтийском море все минные заградители, торпедные катера и часть своих легких сил. Теоретически мы ожидали этого, а практически к борьбе с вражескими минами не подготовились. Нам надо было во все колокола бить тревогу уже после первых сведений о появлении новых немецких электромагнитных мин и о больших потерях, которые несли от них англичане в 1939–1941 годах.

Кроме тральщиков, не хватало и кораблей противолодочной обороны (ПЛО) и специальных сторожевых кораблей (СКР). С огорчением перечитываешь сейчас строки старого документа: «БТЩ „Крамбол“ занял место в дозоре». Не от хорошей жизни приходилось посылать вместо сторожевиков тральщики.

Испытал на себе Балтийский флот и все последствия слабости наших корабельных средств ПВО. Прикрывать корабли истребителями удавалось не всегда, а зенитные пушки Лендера к тому времени уже устарели.

Боевая подготовка проходила в неблагоприятных условиях. Почти до самой Великой Отечественной войны наш Балтийский флот располагал единственной базой в Кронштадте, замерзающей на четыре-пять месяцев в году. Уже в ноябре корабли обычно стояли у стенок или на судоремонтном заводе в скованном льдами Кронштадте. Выходы в море прекращались, командный и рядовой состав занимался учебой на берегу. Осенью проходили демобилизация и призыв. К этому же времени приурочивались отпуска и перемещения командиров.

Командование стремилось как можно больше сделать зимой, а весной пораньше вывести флот в море, но на корабле, стоящем во льду или у заводского причала, многого не сделаешь. Первые шаги флота весной были робкими, он напоминал больного, долго пролежавшего в постели. Только в начале мая корабли вытягивались на Кронштадтский рейд, за-

нимались одиночной подготовкой, изредка выходили в море, которое, прямо скажем, переставало за зиму быть «домом» балтийцев. Еще с тех времен, когда я был курсантом, мне хорошо запомнились первые сборы флота на Кронштадтском рейде. Переход в Лужскую губу в июне оказывался событием. А когда соединения приступали к сложным учениям и совместному плаванию, была уже середина лета. В спешке, с неизбежными при этом авариями, флот готовился к осенним маневрам, завершавшим учебный год. Следующей весной почти все начиналось сначала.

Когда в ноябре 1933 года я стал командиром крейсера на Черном море, то увидел, что балтийские порядки распространены и здесь, хотя Черное море не замерзает. В октябре можно еще плавать да плавать, а у нас, как и на Балтике, проводили итоговое учение, большая часть кораблей становилась к стенке морского завода и, как тогда шутили, «в командование флотом вступал директор».

«Почему мы так мало плаваем зимой?» – нередко говорили между собой моряки, но все понимали, что решить этот вопрос можно только в верхах. Как, допустим, плавать в ноябре и декабре, если те, кто подлежал демобилизации, сразу ушли с кораблей, а многие командиры и сверхсрочники уехали в отпуск? Порядки, введенные на Балтике, где не было незамерзающих баз, и ставшие традицией – всем плавать летом и всем ремонтироваться с осени, – цепко держали нас в плену.

Положение на всех наших флотах изменилось только в 1940 году. На опыте финской войны мы еще раз убедились, что нужно плавать круглый год и к борьбе на море готовиться в условиях, близких к боевым. Балтийский флот, базируясь теперь на Таллин, Либаву, Ханко, уже не был зимой скован льдами, и его корабли могли бороздить воды Балтики круглый год. Но до начала войны времени оставалось мало, и кардинально изменить положение оказалось уже невозможным. Опыт приобретается и накапливается годами, особенно опыт в подготовке людей. Вырастить и воспитать умелых командиров и матросов сложнее, чем построить корабли.

На южном фланге

После налета немецкой авиации на Севастополь, на рассвете 22 июня. Черноморский флот в сравнительно спокойной обстановке развертывал силы и ставил минные заграждения.

После войны было высказано немало критических замечаний по этому поводу: мол, мы без особой нужды ставили мины у своих баз. Особенно большие сомнения вызвали минные постановки на Черном море. Вице-адмирал И.Д. Елисеев писал мне: «Когда выяснилось, что нашим врагом на Черном море будут румыны и немцы, следовало воздержаться от постановки мин, поскольку большой угрозы с моря не было, а постановка их принесла нам много горя. Основными потребителями моря были мы сами».

Мнение это небезосновательно, но полностью согласиться с ним я не могу. Отсутствие минных полей около Севастополя позволило бы даже слабому противнику подходить к порту ночью и ставить мины.

Весь район моря возле Севастополя пришлось бы считать опасным и постоянно проводить контрольное траление. В то же время любой неприятельский эсминец ночью или в тумане мог подойти к этой важной базе нашего флота и обстрелять ее. И трудно сказать, что доставило бы нам больше беспокойства: свои мины, расположение которых мы отлично

знали, или опасения, что враг может войти в не защищенные нашими минами воды.

Бесспорно одно: минировать нужно продуманно. Следует помнить, что мины – угроза не только противнику, но и своим кораблям, что рано или поздно их придется тралить, что штормы срывают их, и тогда они носятся по воле волн.

Я придерживаюсь мнения, что с оперативной точки зрения постановка оборонительных минных заграждений около своих баз не только на Черном море, но и на Дальнем Востоке была правильной. По идее, свои минные поля не могут представлять сколько-нибудь серьезной опасности для плавания и в то же время дают почти полную гарантию от появления в этих местах ночью или в тумане кораблей противника. Конечно, минные поля даже при точном знании своих фарватеров представляют некоторую опасность и создают неудобство для плавания боевых кораблей и транспортов, но опасность эта была бы значительно большей, если бы вражеские надводные корабли или подводные лодки имели возможность набросать около наших баз свои мины. Неприятности, причиняемые своими минными полями, обуславливались главным образом недостатками в технике – мины всплывали, срывались с якорей и становились опасными. Постановка минных полей, конечно, требовала ходить строго по фарватерам.

Считать применение такого мощного оборонительного оружия, как мины, неправильным лишь из-за того, что оно

прибавляло забот, – значило бы признать свое неумение обращаться с ним. Ведь плавают же корабли с опасным боеприпасом в своих погребах!

Командование Черноморского флота с первого дня войны взяло инициативу в свои руки. Флотская авиация наносила удары по важным объектам в Румынии. Дунайская флотилия, отбив первое нападение с румынского берега, высадила на него десант. Подводные лодки вышли к румынским и болгарским берегам, чтобы искать и атаковать вражеские корабли.

Продвижение немецкой армии по всему фронту уже в начале июля вызвало опасения, что для приморских городов и военно-морских баз может возникнуть угроза с суши. То, что произошло на Балтике, могло повториться и на Черном море. Становилось очевидным, что для флота на первый план выдвигается борьба на флангах армий, упирившихся в море. При этом, как и на Балтике, многое обернулось не совсем так, как мы себе представляли до войны.

В бытность мою командиром корабля на Черном море высказывалось предположение, что наши вероятные противники попытаются повторить Крымскую кампанию прошлого века, высадив мощный десант где-нибудь на нашем побережье.

Позже над этой угрозой стала превалировать опасность нападения с воздуха и с суши. Помнится, как в 1941 году после захвата немцами острова Крит, когда они применили

воздушный десант, мы дали себе ясный отчет в том, что подобная опасность не исключена и для Крыма. Крупных сухопутных сил там не было, было бы целесообразно оперативно подчинить все войска в Крыму Военному совету флота. Но о возможности появления армии врага в районе Перекопа не думалось.

Наш Черноморский флот развивался быстро и к началу Великой Отечественной войны состоял из линкора, 6 крейсеров, 17 лидеров и эскадренных миноносцев, 2 сторожевых кораблей, 47 подводных лодок, 84 торпедных катеров и ряда вспомогательных судов. Авиация насчитывала 625 самолетов. Флот готовили к тому, чтобы обеспечить наше господство на Черном море.

Как и на других морях, одной из важнейших задач флота считали обеспечение флангов армии. Чем ближе шло дело к войне, тем больше внимания уделялось взаимодействию флота с войсками приграничного Одесского военного округа. Именно отработке такого взаимодействия было посвящено и последнее, закончившееся в канун войны учение. Правда, на нем отрабатывались более активные задачи, поскольку предполагалось, что мы будем не только обороняться, но и наступать.

Результаты этого учения, проведенного в северо-западном районе моря, сказались в первые же месяцы войны. Конечно, оно могло бы принести значительно больше пользы, если бы мы учитывали возможность скорого начала войны

и более трезво оценивали соотношение сил. Как и на Балтике, где мысль о потере Либавы, а тем более Риги казалась совершенно недопустимой, на Черном море не предполагали, что Одессу придется защищать от сухопутного противника. Хотя флот вернулся с учения за сутки до войны и в море оружие на кораблях находилось в полной боевой готовности, тема учения не соответствовала обстановке, которая могла возникнуть с началом военных действий. Наши взоры были обращены в сторону Босфора. Оттуда мы ждали появления крупных эскадр с десантными войсками. Предполагалось, что наши вероятные противники попытаются повторить Крымскую кампанию прошлого века, высадив десант на нашем побережье. При оперативных играх считали, что Румыния будет на стороне «противника», но ее флот не представлял реальной угрозы. В тридцатых годах, когда власть в Германии захватили фашисты и начали призывать к войне против Советского Союза, положение изменилось. В случае войны с Германией вероятность морского десанта уменьшилась, но зато возросла опасность нападения с воздуха и с суши.

Немецкая группа армий «юг», продвигаясь на восток, захватывала наши приморские города. Фашисты бахвалились, что советский Черноморский флот скоро «сам умрет сухопутной смертью», лишившись всех своих баз. Но флот сражался, с каждым днем наращивая силу ударов.

Королевская Румыния, как и предполагалось, выступила

союзницей фашистской Германии. Наше командование решило нанести удар по главной базе румынского флота – Констанце.

Уже в ночь на 23 июня 1941 года авиация Черноморского флота произвела первый налет на военные объекты Констанцы. 23 июня последовало еще пять налетов: три на Констанцу и два на Сулину.

Немного позднее были нанесены авиационные удары по Плоешти. Этому объекту Ставка придавала особое значение: речь шла о румынской нефти, которая была очень нужна фашистской Германии. Поэтому Плоешти бомбила и армейская, и флотская авиация. В июле и августе удалось уничтожить сотни тысяч тонн нефти, а добыча ее на какое-то время была сведена почти к нулю.

Говоря о налетах советской авиации на Плоешти, следует подчеркнуть стратегическое значение этих ударов. Не случайно Гитлер в записке Браухичу от 22 августа 1941 года подчеркивал, что нужно скорее захватить Причерноморье и Крым с его аэродромами, а шахты они всегда захватят. Один удачный налет русской авиации на единственный наш источник нефти, указывалось далее, и трудно будет предугадать, каким окажется дальнейший ход войны.

Не случайно и то, что И.В. Сталин обращался к Гопкинсу с вопросом, не могут ли англичане (США тогда еще не воевали) бомбить Плоешти. Но этих ударов не последовало.

25 июня два лидера – «Москва» и «Харьков» – вышли

в море, чтобы обстрелять Констанцу. Эту ударную группу прикрывали крейсер «Ворошилов» и два эсминца. Корабли совершили переход ночью и на рассвете внезапно появились перед Констанцей. В 5 часов утра оба лидера открыли огонь.

Это был смелый набег, что подтверждали и представители немецкого командования в Румынии.

Командир всего соединения контр-адмирал Т.А. Новиков и командир ударной группы лидеров капитан 2-го ранга М.Ф. Романов сделали все от них зависящее, чтобы выполнить задание. По намеченным объектам было выпущено 350 снарядов. На берегу вспыхнули большие пожары: горели нефтебаки.

Но этот успех достался нам дорогой ценой. Минная опасность оказалась значительно большей, чем мы ожидали.

Следует подчеркнуть, что новые электромагнитные мины, сконструированные гитлеровцами, действительно являлись грозным оружием на первом этапе войны. С помощью этих мин немцы отправили на дно не один английский корабль.

Мы тоже столкнулись с минной опасностью на всех морских театрах. На Балтийском флоте подорвался на минном заграждении, поставленном фашистами еще до начала войны в устье Финского залива, крейсер «Максим Горький». На Черном море при выходе из Севастополя подорвался эсминец «Быстрый». Противник использовал как старые, так и новые электромагнитные мины различной кратности действия. Старые тралы для борьбы с последними оказались ма-

лоэффективными.

Наши моряки пытались разгадать секрет коварных новинок. Еще в июле 1941 года военный инженер 3-го ранга И.И. Иванов и капитан-лейтенант Власов разоружили первую такую мину на Черном море. Вторую мину, в Новороссийске, обезвредили Б.Т. Лишнеvский и С.И. Богачек. На Балтике донные мины разоружили Теплин, Туринов, Алюксутович и другие. Однако заплатить за это пришлось дорогой ценой: при разоружении мин погибли И.И. Иванов, С.И. Богачек, И.А. Ефременко, Б.Т. Лишнеvский и другие отважные флотские минеры.

Минно-торпедный институт ВМФ прилагал все усилия, чтобы скорее раскрыть секрет нового немецкого оружия, и внес свои предложения по борьбе с ним. Но кардинально помочь флоту могла только более квалифицированная научная сила.

Мы обратились за помощью в Ленинградский физико-технический институт (ЛФТИ). В августе 1941 года на Черноморский флот прибыла во главе с А.П. Александровым и И.В. Курчатовым группа сотрудников института: А.Р. Регель, П.Г. Степанов и К.К. Щерба. Ученые вместе с флотскими минерами часто с риском для жизни разбирали взрывные устройства немецких мин в поисках секретов нового оружия и выработки контрмер. Г. Охрименко, А. Малов, М. Иванов и Н. Квасов – вот фамилии черноморских минеров, которые ошупью, с замиранием сердца разбирались в неиз-

вестных приборах, ища, как обезвредить коварную машину, готовую в любую секунду взорваться при малейшей неосторожности. И вскоре задачу удалось решить. Тральщики были снабжены специальными новыми тралами, а крупные корабли постепенно оборудовались специальными противоманнитными обмотками. Помнится, в первую очередь такой противоминной обработке подверглись подводные лодки типа «С».

Советские ученые внесли большой вклад в дело победы над врагом, и вклад этот был по заслугам оценен правительством. Многие ученые были награждены орденами и удостоены Государственной премии.

Позже, как-то встретившись со мной в Кремле, Игорь Васильевич Курчатов поинтересовался: «Как справляется наш флот с электромагнитными минами?» И я с удовлетворением подтвердил, что благодаря рекомендациям, сделанным им и его коллегами, флот неплохо выполняет задачи борьбы с вражескими минами.

Неправильно, однако, было бы думать, что кратковременное пребывание на Черном море группы Ленинградских ученых помогло решить до конца все вопросы борьбы с немецкими неконтактными минами. Борьба эта длилась в течение всей войны, и не последняя роль принадлежит здесь Минно-торпедному управлению ВМФ (начальник Н.И. Шibaев) и некоторым специалистам-минерам, таким, как профессор О.Б. Брон и другие.

Для оборудования кораблей системой ЛФТИ требовалось огромное количество особого электрического кабеля. Предприятия Ленинграда, Кронштадта, Таллина, Севастополя, Архангельска, Мурманска, Владивостока отдали все запасы кабеля, годного для этой цели. Вскоре Техническое управление ВМФ передало Наркомату судостроительной промышленности наряды на последние 35 километров кабеля.

В середине августа я обратился в Государственный Комитет Обороны к Сталину и Вознесенскому с предложением возложить на заводы «Севкабель» и «Москабель» изготовление 350 километров кабеля, а 300 километров заказать за рубежом. Уже в первых числах сентября «Севкабель» начал поставлять кабель для Электромортреста, осуществлявшего оборудование кораблей противоманнитными системами.

Мы постоянно контролировали и направляли работу по размагничиванию кораблей. Больше всего этим занимался адмирал Л.М. Галлер. На местах эта задача решалась командованием флотов. Защитой кораблей от магнитных мин систематически интересовалась Ставка.

С развитием военных действий появились новые типы мин: акустические, магнитно-акустические и, наконец, гидродинамические. Против них нужно было искать противоядие. Мы привлекли к этому делу самых опытных и высококвалифицированных ученых. Реальную помощь в тралении новых вражеских мин оказывала флоту специально созданная акустическая группа под руководством Н.Н. Андреева,

ставшего впоследствии академиком.

Но вернемся к набегу на Констанцу в первые дни войны, когда мы еще не имели надежного средства борьбы с немецкими электромагнитными минами. Наши артиллеристы удачно накрыли цели. При отходе корабли развили большую скорость – 30 узлов – и пошли на зигзаге; в итоге потеряли параваны – приспособления для обезвреживания мин, и лидер «Москва» подорвался. Раздался оглушительный взрыв, корабль переломился и затонул. «Харьков» пытался помочь тонущим, но сам получил повреждения от огня береговых батарей. Если бы из-за минной опасности корабли замедлили ход, они могли бы понести еще больший ущерб от огня береговой артиллерии. Видимо, давая задание провести операцию, командование флота должно было точно указать, как выполнять задачу, сообразуясь с обстановкой и не допуская неоправданного риска. Однако такого гибкого подхода в управлении у нас тогда еще не было. Действовать нередко приходилось по принципу «любой ценой».

Существовала ли возможность выполнить операцию удачнее и без потерь? Бывший командующий эскадрой контр-адмирал Л.А. Владимирский после войны говорил мне, что обстрел берега следовало вести не лидерам, имевшим меньшую дальность огня и слабые корпуса, а крейсеру. Это позволило бы обстреливать Констанцу с дистанции 180–190 кабельтовых, находясь за пределами неприятельских минных полей. Однако боязнь рисковать крупным кораблем приве-

ла, по словам того же Л.А. Владимирского, к другому решению. Между тем в мирное время мы готовили для подобных операций именно крейсера. Корректировка огня с самолета была отработана хорошо, и это позволяло крейсерам вести огонь на предельных дистанциях.

Мы учли урок набега на Констанцу. В ноябре 1942 года для обстрела базы вражеских кораблей в Сулине был послан крейсер «Ворошилов». Он выполнил задачу успешно и без потерь, хотя враг сопротивлялся сильнее, чем во время набега на Констанцу.

Судьбу личного состава «Москвы» удалось выяснить значительно позже. Многие погибли, в том числе и заместитель командира по политчасти Г.Т. Плющенко. Командир корабля А.Б. Тухов и 60 моряков были схвачены фашистами. Тухов, находившийся все время со своими матросами, организовал побег, дрался в составе партизанского отряда и погиб 5 марта 1944 года в бою под Головановском, недалеко от Одессы...

По мере уточнения обстановки на южном крыле фронта внимание командования Черноморского флота и Главного морского штаба с каждым днем все больше привлекали Дунай и Одесская военно-морская база.

Входившая в состав Черноморского флота и находившаяся на самой границе, Дунайская флотилия организованно и без промедления ответила огнем на огонь с румынского берега и высадила туда небольшие десанты. Казалось, она и

дальше могла не менее успешно выполнять свои задачи. Но через две недели обстановка на фронте в Северной Молдавии ухудшилась. Флотилия получила приказ основные силы направить на совместные действия с 14-м стрелковым корпусом, а устье Дуная остались прикрывать только малочисленные части. В первой половине июля, когда шло отступление наших сухопутных войск, верхнедунайский отряд флотилии едва прорвался с боями в Измаил. Ее командующий Н.О. Абрамов потом рассказывал мне, какие огорчения доставила ему эвакуация Измаила после успешных действий флотилии в первые дни войны.

В последующие периоды войны вновь организованной Дунайской флотилии под командованием контр-адмиралов С.Г. Горшкова и Г.Н. Холостякова выпала честь самым активным образом взаимодействовать с сухопутными соединениями и продвигаться к Вене, участвуя в освобождении Румынии, Венгрии, Югославии и Австрии. Но об этом – позднее.

Североморцы вступают в бой

После войны, когда многие секретные документы нацистов перестали быть тайной, оказалось, что план «Барбароса» не предусматривал действий крупных сухопутных или морских сил на направлениях, которые его авторы считали второстепенными. Фашистские генералы хотели предпринять исход войны молниеносными ударами по Москве, Ленинграду, Киеву. Они полагали, что Архангельск и Мурманск попадут в их руки без особых усилий как трофеи после победы на главных направлениях. Рассчитывая на это, немецкое верховное командование хотело сберечь свои морские силы для дальнейшей борьбы с Англией, а возможно, и с США. Однако планы блицкрига провалились. Война приняла затяжной характер. Вместо бронированных кулаков, с помощью которых германские фашисты и их сателлиты намеревались быстро добиться победы, им пришлось драться, «растопырив пальцы», на огромном фронте от Одессы до Мурманска. Когда коммуникации Советского Союза с США и Великобританией в северных водах приобрели стратегическое значение, гитлеровское командование вынуждено было перебросить сюда крупные соединения кораблей. Борьба с ними легла на наш молодой Северный флот.

В первые дни войны положение на наших северных границах было не совсем ясным. Мы знали, что к финско-нор-

вежской границе подтянуты немецкие войска, которые ранее участвовали в захвате Нарвика. «Не на Финляндию же теперь собираются наступать немцы?» – говорили мы и с минуты на минуту ожидали начала боевых действий на Севере.

22 июня на нашей сухопутной границе с Финляндией было сравнительно спокойно. Однако немецкая авиация уже в тот день бомбила корабли и аэродромы Северного флота.

Поздно вечером 22 июня я долго разговаривал по телефону с командующим флотом контр-адмиралом А.Г. Головкин.

– Глупое положение: нас бомбят, а мы считаем Финляндию невоюющей стороной! – горячился Арсений Григорьевич.

– Но ведь против вас действует пока лишь немецкая авиация, к тому же с норвежских аэродромов, – пояснил я и посоветовал: – Используйте время для полного развертывания флота, постановки минных заграждений. Внимательно следите за обстановкой на море.

Помню, на одном из первых докладов начальника Главного морского штаба адмирала И.С. Исакова мы специально обсуждали вопрос, можно ли считать Финляндию нейтральной и вероятна ли высадка вражеского десанта у нас на Севере. Вспомнили мы и о внезапном захвате немцами Нарвика. Хорошо известно, что финское правительство в тридцатых годах раболопно следовало в фарватере политики некоторых западных стран. Шюцкоровские соединения катеров доставляли тогда немало забот не только балтийцам в Фин-

ском заливе и на ладожском озере, но и североморцам в районе Петсамо и Мурманска. Несмотря на это, Советское правительство, искренне желая, чтобы наши отношения с соседней страной были дружественными, проявило умеренность при заключении мирного договора в 1940 году. Но воинствующие круги Финляндии искали реванша в союзе с Гитлером. Зная многочисленные факты, мы не сомневались: если Финляндия не вступила в войну против нас одновременно с Германией 22 июня, то только из тактических соображений.

На совещании в кабинете И.В. Сталина вечером 24 июня я докладывал о полетах финских и немецких самолетов над Ханко, о бомбардировке наших кораблей в Полярном и не только о сосредоточении немецких войск на финско-норвежской границе (об этом правительство знало раньше), но и о том, что они продвигаются по финской территории к нашим границам.

Мы опасались высадки десанта на Севере. «Конечно, – рассуждали мы, – немцы не полезут с моря „в лоб“ на главную базу в Кольском заливе, но вполне могут атаковать ее фланги с многочисленными бухтами». Противник мог высадиться и в Кандалакшском заливе, где железная дорога Ленинград – Мурманск проходит совсем близко от нашей сухопутной границы с Финляндией. Правда, для высадки десанта в Кандалакше требовалось пройти горлом Белого моря. Там стояли наши береговые батареи, но мы помнили, как в 1940 году немцы проводили смелые операции, прорываясь в

Нарвик и даже в Осло. Разве подобное не могло повториться на нашем Севере, где к тому же у нас было не так много береговых батарей?

25 июня командующий Северным флотом доложил, что 19-й немецкий горнострелковый корпус движется к нашей границе. Теперь не оставалось сомнения, что противник вскоре перейдет в наступление со стороны финской границы. Это произошло 29 июня. С того дня война охватила огромные пространства Севера. Теперь фланги наших фронтов упирались не только в берега Черного и Балтийского морей, но и в студеное Баренцево море.

Своеобразие Северного морского театра не ограничивается суровыми природными условиями. Благодаря теплomu течению из Атлантики в юго-западной части Баренцева моря лед не препятствует боевым действиям флота в течение всего года. Зато в северных и восточных районах Баренцева и Белого морей, а также в Карском море зимой из за льдов корабли ходить не могут.

Частые штормы, особенно осенью и зимой, низкая облачность, туманы, снежные заряды, метели – все это очень мешало кораблям и авиации. Впрочем, туманы и помогали скрытным переходам конвоев и высадке десантов. Таковы уж парадоксы природы Севера!

Серьезно затрудняли действия флота полярный день и полярная ночь. В полярную ночь усложнялся визуальный поиск, зато в условиях полярного дня почти исключалась

скрытность действий.

Пути сообщения с союзниками, воинские и народно-хозяйственные перевозки по Северному морскому пути, важное значение незамерзающего порта Мурманска, огромные природные богатства – эти и многие другие причины заставляли нас уделять Северу во время войны особое внимание.

Географические особенности побережья Северной Норвегии – изобилие фьордов, обрывистые высокие берега, большие глубины возле них – давали фашистскому флоту возможность базировать свои корабли маневренно и рассредоточенно. Готовясь к нападению на Советский Союз, германское командование держало наготове в Северной Норвегии и Северной Финляндии один финский и два немецких корпуса, сведенных в армию «Норвегия».

Планом операции намечалось овладеть Мурманском и главной базой Северного флота – Полярным, захватить Кировскую железную дорогу и тем самым изолировать Кольский полуостров от центральных районов страны, оккупировать Советскую Карелию и овладеть всем бассейном Белого моря до Архангельска включительно.

Немецко-фашистское командование рассчитывало осуществить свои планы на Севере молниеносно, используя в основном сухопутные силы и авиацию. Бомбардировщики должны были нанести массированные удары по Полярному и Мурманску и разрушить шлюзы Беломорско-Балтийского канала, чтобы отрезать Северный морской театр от Балтий-

ского. Немецкие морские силы на Севере к началу войны были незначительны. Базировались они на порты и базы Варангерфьорда, в частности на Петсамо (Печенгу) и Киркенес.

Боевые самолеты 5-го воздушного флота ВВС Финляндии и транспортная авиация фашистов располагали в Заполярье значительной аэродромной сетью. Для непосредственных действий против Северного флота было выделено около 170 самолетов, в том числе до 100 бомбардировщиков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.